

Глеб Пудов

Муромский сундук

Очерк истории

Глеб Пудов

Муромский сундук. Очерк истории

«Издательские решения»

Пудов Г.

Муромский сундук. Очерк истории / Г. Пудов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519881-5

В книге рассматривается история сундучного производства, развивавшегося в Муромском уезде Владимирской губернии во II половине XIX — I половине XX века. Автор на основе сведений статистической и земской литературы, архивной информации и сохранившихся клейм на сундуках прослеживает основные вехи истории производства. В научный оборот вводится множество новых имен и фактов. This book deals with the history of chest production, which developed in the Murom district of the Vladimir province.

ISBN 978-5-00-519881-5

© Пудов Г.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Введение	7
I. КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ СУНДУЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В МУРОМСКОМ УЕЗДЕ	13
Истоки. Промысел в XIX веке	13
Постреволюционный период	16
Послевоенный период	20
II. ОРГАНИЗАЦИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА СУНДУКОВ	22
III. О МАРКИРОВКЕ СУНДУКОВ МУРОМСКОГО УЕЗДА	24
IV. ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ МАСТЕРСКИХ МУРОМСКОГО УЕЗДА	28
Материалы о сундучном заведении А. И. Желтикова	28
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Муромский сундук Очерк истории

Глеб Пудов

Редактор Наталия Ивановна Ковалева

Рецензент Алексей Валерьевич Чевардин

Рецензент Сергей Дмитриевич Оленев

© Глеб Пудов, 2022

ISBN 978-5-0051-9881-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

В 2017 году издательством «Специальная литература» была выпущена в свет брошюра по истории сундучного промысла Муромского уезда¹. В ней на основе сведений статистической и земской литературы, архивной информации и сохранившихся клейм рассматривались основные этапы истории производства.

Настало время дополнить и исправить сведения, приведенные в брошюре. В настоящем издании углублен анализ специальной литературы, при этом она приведена в более или менее стройную систему; в словарь мастеров добавлены новые имена и новая информация; публикуются ранее неизвестные клейма. Кроме того, в качестве самостоятельного раздела помещены истории некоторых сундучных «фабрик» Владимирской губернии.

Однако изучение муромского сундука очень далеко от завершения. В его истории остается множество «белых пятен». Подобно другим явлениям народного искусства, муромский сундук таит множество секретов. Разгадка их – дело будущего.

Благодарю за рецензии А. В. Чевардина, кандидата исторических наук, доцента кафедры истории и социально-политических дисциплин Уральского государственного лесотехнического университета, и С. Д. Оленева, научного сотрудника-хранителя Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника.

¹ Пудов Г. А. Сундучный промысел Муромского уезда Владимирской губернии (II половина XIX – I половина XX века). – СПб.: Специальная литература, 2017.

Введение

Муромский уезд Владимирской губернии во II половине XIX – начале XX века был одним из самых крупных центров по производству сундуков в России. Мастера делали массу сундуков, были известны среди торгующих на Нижегородской ярмарке.

Литературу по истории муромского сундука можно разделить на несколько видов и жанров: газетные публикации; земские издания; статьи и заметки, связанные с Нижегородской ярмаркой, в которых есть информация о муромских сундуках; статистическая литература по кустарной промышленности России, где упоминаются муромские сундуки; научные статьи; монографии. На протяжении истории производства сундуков в Муромском уезде эти виды и жанры получили неодинаковое развитие: ранее преобладали газетные публикации и статистическая литература, в настоящее время на первый план выходят научные статьи. Жанр монографий и сегодня представлен лишь в единственном числе. Рассмотрим основные работы, придерживаясь хронологического принципа.

Изучение муромского сундука началось во II половине XIX века. Земские деятели дали подробные описания промысла с исторической, технической и экономической сторон. Особенно следует выделить труды Николая Гавриловича Добрынкина (1835 – 1902), долго и плодотворно изучавшего кустарную промышленность Меленковского и Муромского уездов (среди массы статей и заметок, написанных для «Владимирских губернских ведомостей», кажется, нет ни одной сферы крестьянской жизни Меленковского и Муромского уездов, которую бы обошел своим вниманием Н. Г. Добрынкин: известковое производство, рыбный промысел, льняная промышленность, «фабрикация рогож», производство мочала, разработка алебаstra, рудокопное дело, свадебные обычаи и т. д.)².

В статье «Кустарная промышленность в Муромском уезде. Делание укладок и сундуков», вышедшей в свет в 1882 году в газете «Владимирские губернские ведомости»³, он опубликовал множество исторических и статистических фактов. В работе содержится масса интересных деталей, характеризующих тот или иной аспект производства, в частности, технологический: дно укладок делалось из ели, в то время как стенки и крышка из других пород дерева; петли, ручки, накладки покупались хозяевами заведений в Муромском и Горбатовском уездах. Н. Г. Добрынкин сообщил множество местных терминов, принятых в «деле» сундуков, что придало его работе еще большую достоверность (например, «прековый сундук», «заснавр», «тройка», «шестерка» и прочие). Автор сумел охватить все тонкости производства сундуков в Муромском уезде (исключая его художественную сторону). В конце работы Н. Г. Добрынкин дал прогноз по экономике сундучного производства, проанализировал неблагоприятные факторы, которые влияют на него: плохой урожай, война и т. д. Все это свидетельствует о погруженности Николая Гавриловича в тему исследования, о его способности за короткие сроки досконально изучить ту или иную отрасль кустарной промышленности и дать ей почти исчерпывающую характеристику. Тем не менее, эта работа — лишь свод добросовестно собранных сведений, лишенный анализа и выводов. Кроме того, сундук не включался Н. Г. Добрынкиным в круг произведений народного искусства, а рассматривался лишь как предмет краеведения.

То же самое можно отметить касательно другой его статьи, «Производство сундучных замков в Муромском уезде», опубликованной в газете «Владимирские губернские ведомости» тремя годами позже⁴. Н. Г. Добрынкин тщательно описал технологический процесс производ-

² См. статью о нем в разделе IV.

³ Добрынкин Н. Г. Кустарная промышленность в Муромском уезде. Делание укладок и сундуков // Владимирские губернские ведомости. – 1882. – №4, часть неофиц., С. 2—4.

⁴ Он же. Производство сундучных замков в Муромском уезде // Владимирские губернские ведомости. – 1885. – №47,

ства замков, их постепенную передачу от одного мастера к другому. При этом описание каждой операции сопровождается комментариями по экономике промысла. Н. Г. Добрынкин привел исключительно подробный анализ коммерческой стороны «делания» сундучных замков. Вероятнее всего, он общался с людьми, так или иначе причастными к производству, наблюдал его процесс, что сообщило его работе достоверность, как и в случае с предыдущей статьей. Работа до сих пор не потеряла научную ценность. Ей свойственна не только основательность, свидетельствующая о кропотливой работе исследователя, но и доступность изложения. В целом следует подчеркнуть, что статьи Н. Г. Добрынкина могут служить отправной точкой при исследовании кустарных промыслов Муромского уезда.

Необходимо также указать на другую работу Н. Г. Добрынкина – «Сто лет назад и теперь. Статистическое описание Муромского уезда»⁵. В ней характеризуются все населенные пункты уезда (география, экономика, количество жителей и т.д.). Среди прочего исследователь упоминает производство сундуков: называет его конкретные местные центры, количество заведений и мастеров. Эта и прочая информация может служить дополнением к его двум статьям, которые были охарактеризованы выше. Труд Н. Г. Добрынкина дает верную картину развития сундучного дела в Муромском уезде.

И, наконец, следует упомянуть карту Муромского уезда, составленную Н. Г. Добрынкиным в 1877 году⁶. Краеведом обозначен «сундучный район», располагавшийся на северо-востоке уезда. В него входили деревни Чулково, Бобынино, Поляны, Соловьево, Варез, Лохани и другие. Несмотря на некоторые недочеты, которые могут объясняться историческими причинами, карта, составленная Н. Г. Добрынкиным, – прекрасное подспорье для всех, кто изучает кустарную промышленность Муромского уезда. Во-первых, на ней обозначено не только производство укладок (сундуков), но и другие промыслы, во-вторых, карта может объяснить некоторые особенности муромского сундучного дела; в-третьих, она делает более наглядными выводы, связанные с развитием кустарной промышленности в Муромском уезде в XIX веке⁷.

Значительное место в историографии муромского сундука занимают земские издания. Особо следует выделить статью в «Докладах Владимирской губернской земской управы Очередному губернскому земскому собранию», которая была опубликована во Владимире в 1903 году⁸. В ней подробно описаны условия, в которых трудились мастера, названы их точное количество, объемы производства, дотошно рассчитана стоимость изделий и заработок сундучников, описаны сложные отношения артелей и частных хозяев, особенности обучения мальчиков и т. д. В качестве иллюстрации при описании экономического быта муромских сундучников приведена информация об одном из них (от 1 октября 1902 года до 1 октября 1903 года). Кроме того, в этой работе описан весьма показательный случай с единственной и неудачной попыткой механизации производства, которую в 1901 году предпринял В. Я. Ягунов из д. Бангино. В статье не только верно определено значение Муромского уезда как важного центра производства сундуков в России, но и выявлена его роль в жизни самих мастеров (этот промысел «составляет единственное средство существования, единственную надежду крестьянского двора»). Но, как и в работах Н. Г. Добрынкина, сундуки рассматривались как принадлежность этнографии и статистики, а не как произведения народного искусства. Надо

часть неофиц., С. 1—3.

⁵ Добрынкин Н. Г. Сто лет назад и теперь. Статистическое описание Муромского уезда. Владимир: тип. Губ. земского правления.

⁶ Карта Муромского уезда (Владимирской губернии). Составлена в 1877 году Н. Г. Добрынкиным, землемером при Муромском мировом съезде по крестьянским делам. СПб.: лит. картографич. заведение А. Ильина, 1 лист.

⁷ См. статью о Н. Г. Добрынке в IV разделе этой книги.

⁸ Положение сундучного промысла в Муромском уезде. (Результаты исследования, произведенного осенью 1903 года членом управы Г. А. Смирновым совместно со статистиком губернского земства А. В. Смирновым) // Доклады Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1903 года. По экономическим вопросам. Владимир на Клязьме: типо-литография губернской земской управы, 1903, С. 40—49.

также отметить, что авторы не назвали среди крупных центров сундучного дела России заводские поселки Среднего Урала.

В 1913 году были опубликованы «Материалы для оценки земель Владимирской губернии»⁹. Статья о муромском сундучном промысле основана на сведениях из вышерассмотренного издания, работах Н. Г. Добрынкина и некоторых других статьях из газеты «Владимирские губернские ведомости». Тем не менее, несмотря на реферативность, в работе содержится ряд новых и интересных сведений. Они почерпнуты из корреспонденции непосредственных участников сундучного производства. Немалую ценность также имеют статистические таблицы, помещенные после текста. Авторы сделали вывод, что «сундучный промысел, хотя уже не есть чисто кустарный, а представляет из себя отрасль капитализированной домашней промышленности, как жизнеспособный, заслуживает внимания правительства и земства и их помощи и поддержки»¹⁰.

Интересны статьи, опубликованные в 1902 году во «Владимирской газете»¹¹. Обе они написаны неизвестными авторами и посвящены различным коллизиям в жизни местного сундучного производства: трудностям организации сундучных артелей в уезде, в т.ч. сложностям с получением кредита, отношениям с частными хозяевами-сундучниками и особенностям работы в их мастерских. Необходимость организации артели возникла после того, как заводчик Ягунов начал использовать паровой двигатель. Это могло лишить работы многих мастеров-«вязал», и в деревнях Бангино и Пурки по инициативе И. Г. Огурцова в 1902 году была создана артель. Устав был заимствован у артели сапожников, также появившейся в то время. Однако артельщики столкнулись с трудностями, связанными с тем, что для закупки леса необходимы значительные финансовые средства.

Темы, затронутые в этих статьях, освещались и в интересной заметке «Плюсы и минусы чулковской сундучной артели», опубликованной в 1925 году в газете «Призыв»¹². Автор, также пожелавший остаться неизвестным, вел речь об особенностях существования сундучного промысла в постреволюционное время. Благодаря грамотному планированию, артельщикам удалось восстановить баланс между расходом и приходом денежных средств. Автор особо указывал на высокое качество чулковских сундуков, которое контролировалось самими мастерами. Местные торговцы внимательно следили за положением дел в артели и предлагали артельщикам максимально тяжелые для них условия сотрудничества. Автор статьи призывал «Приокский союз производственных артелей» помочь чулковцам.

Эти газетные заметки «на злобу дня» представляются крайне важными и полезными при изучении сундучного промысла, т.к. словно под увеличительным стеклом демонстрируют проблемы и вопросы, интересовавшие мастеров в тот период, объясняют некоторые аспекты, которыми остались бы непонятными без такого «точечного погружения» в историю сундучного производства. Кроме того, они написаны непосредственными участниками событий или современниками их, что повышает достоверность излагаемого материала.

Из изданий, так или иначе связанных с Нижегородской ярмаркой, которые могут быть полезны при изучении истории муромского сундука, весьма интересна работа Николая Николаевича Овсянникова¹³. В ней содержатся сведения о торговле сундуками: местах и масштабах

⁹ Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Том I. Муромский уезд. Вып. III. Промыслы крестьянского населения. – Владимир: типо-лит. губ. земской управы, 1913.

¹⁰ Там же. С. 33.

¹¹ Б/а. Из писем в редакцию // Владимирская газета. – 1902. – №4. – С. 4; А. С. П. Артель кустарей-сундучников в Муромском уезде // Владимирская газета. – 1902. – №20. – С. 3.

¹² Б/а. Плюсы и минусы чулковской сундучной артели // Призыв. – 1925. – №139. – С. 3.

¹³ Овсянников Н. Н. О торговле на нижегородской ярмарке // Нижегородский сборник. Т. 1, ч. 2. – Нижний Новгород: типография Нижегородского губернского правления и Г. А. Пендрина, 1867, С. 150—153. Немаловажное значение также имеют работы О. О. Ремана, В. П. Безобразова, А. П. Мельникова, в которых есть сведения о муромских сундуках. Однако, как указывалось выше, включить все труды в статью не представляется возможным. В трудах современных исследователей,

производства, ценах на сундуки, их видах, местах сбыта. Подчеркивается значительная роль восточных торговцев в распространении муромских сундуков, а также повествуется о популярности сундуков в Средней Азии. Некоторая информация нуждается в корректировке, в частности, вопреки утверждениям автора, в Зяблицком погосте и д. Озябликовой сундуки делали. Кроме того, «Николай Силантьев», который упоминается исследователем среди торгующих сундуками на ярмарке¹⁴, это никто иной как Николай Тулупов – основатель промысла в Чулково. Из работы Н. Н. Овсянникова напрашивается вывод, что муромское производство сундуков зачастую находилось в тени других центров, в основном, нижегородских (исследователь справедливо писал, что муромские сундучники «носят название „павловских“ торговцев только потому, что живут близко от известного богатого села Павлова»¹⁵). Несмотря на это, материалы, приводимые Н. Н. Овсянниковым, свидетельствуют о большом распространении и известности муромского сундука, дают точное представление об особенностях его истории в определенный период.

Следует также учитывать статистические материалы из выпусков «Адрес-календаря Нижегородской ярмарки», «Справочника Нижегородской ярмарки» и других изданий¹⁶, в которых указаны многие известные муромские «фабрики»: И.В. и С. В. Рудаковых, А.С. и М. С. Ягуновых, А. М. Тебекина, С. И. Тулупова и многих других. Эти сведения помогают уточнить не только некоторые аспекты сундучного промысла, но и историю конкретных мастерских. Послереволюционному периоду в истории ярмарки посвящены работы И. Л. Арцимовича и С. В. Малышева, в которых содержится информация о муромских сундуках: о количестве привезенных и проданных изделий, о роли ярмарки для промысла, упоминается Сосновская артель¹⁷. Эти книги делают закономерным вывод о том, какую колоссальную роль играла Нижегородская ярмарка на всем протяжении истории муромского сундука.

Достоин упоминания труд Николая Андреевича Филиппова, посвященный кустарной промышленности России¹⁸. На широком историческом и географическом фоне в нем рассмотрены история, технология и организация муромского промысла (наряду с другими). Автор опирался на сведения из специальной литературы. В раздел о муромском сундуке проникло несколько неточностей. В частности, Н. А. Филиппов утверждал, что в местном производстве не было наемных мастеров, что «никто из сундучников не оставляет от хлебопашества». Тем не менее, уже из предшествующей литературы известно, что это не так. Н. А. Филиппов четко разделил сундуки на два типа («крестьянские» и «сундуки высокого сорта»).

В работах не краеведов, не земских статистиков и этнографов, а исследователей народного искусства, например, Дмитрия Васильевича Прокопьева¹⁹, также встречаются общие сведения о муромских сундуках. Среди них нередко ценные наблюдения и замечания, которые

например, С. М. Шумилкина, Н. А. Богородицкой, Н. Ф. Филатова, О. Бобина, информации о сундуках Муромского уезда нет.

¹⁴ Там же. С. 153.

¹⁵ Овсянников Н. Н. О торговле на нижегородской ярмарке // Нижегородский сборник. Т. 1, ч. 2. – Нижний Новгород: типография Нижегородского губернского правления и Г. А. Пендрина, 1867, С. 153.

¹⁶ Например: Алфавитный указатель лиц, торгующих на Нижегородской ярмарке. — М.: изд. А.С., 1870. Из статистических изданий, не связанных с ярмаркой, надо назвать: Памятная книжка Владимирской губернии / изд. Владим. ГСК; под ред. Н. П. Шипина. — Владимир на Клязьме: Тип. губ. правл., 1895, С. 328, 336, 340; Список фабрик и заводов Европейской России / Министерство финансов. — СПб.: типография В. Киршбаума, 1903, С. 185—187; Список фабрик и заводов Российской империи: сост. по офиц. сведениям Отд. пром-сти М-ва торговли и пром-сти / под ред. В. Е. Варзара. — СПб.: типография В. Киршбаума, 1912, С. 143—145.

¹⁷ Арцимович И. Л. Нижегородская ярмарка и кустарная промышленность / с предисл. С. Середы. – [Нижний Новгород]: Нижегород. ярмароч. ком., 1926, С. 20, 26, 48, 49; Малышев С. В. Нижегородская ярмарка 1927 года. – Нижний Новгород: Нижегород. ярмарочный ком., тип. «Красный печатник», 1927, С. 33.

¹⁸ Филиппов Н. А. Кустарная промышленность России: Промыслы по обработке дерева / сост. Н. А. Филиппов при участии В. А. Петровского, В. П. Родникова [и др.]; Г.У.З. и З. Отд. сел. экономии и с.-х. статистики. – СПб.: типо-лит. «Якорь», 1913, С. 67—72.

¹⁹ Прокопьев Д. В. Художественные промысла Горьковской области. – [Горький]: Горьк. обл. изд-во, 1939, С.85—86.

могут быть использованы при атрибуции изделий. Д. В. Прокопьев обобщил данные по истории промысла, ввел сундуки в контекст развития традиционного искусства края²⁰.

В 2002 году опубликована работа М. Е. Гусаровой²¹. Для характеристики ситуации, сложившейся в муромском сундучном производстве в XVIII веке, автор по неизвестной причине использовала статью Н. Г. Добрынкина (вторая работа краеведа, о сундучных замках, даже не упомянута), которая была написана во второй половине XIX столетия и описывает положение в производстве именно в этот период. Между тем, известно, что на протяжении времени менялась не только технология производства, но и его организация. Например, неверно писать о «морозе» по жесту на муромских сундуках XVIII века – эта технология появилась в другое время и в других центрах сундучного дела (муромские мастера ее переняли). Также неверно писать о популярности муромских сундуков в XVIII веке (якобы за ними приезжали торговцы из других регионов). В архивных документах первой половины столетия мастера-сундучники даже не упоминаются (например, в «Росписи даточных людей г. Муром за 1703 – 1725 гг.», в описании Муром полковника Коробова 1723 года²²). Вероятно, производство сундуков в Муроме и его округе в то время еще не сложилось в самостоятельный крупный промысел. Вообще промышленное развитие этого региона в XVIII веке еще недостаточно исследовано²³.

В 2014 году вышла в свет книга «Помыслы о вачских промыслах». Сундучный промысел рассмотрен в ряду других²⁴. В работе содержится красочный рассказ о сложных перипетиях существования частных «фабрик» и артелей, приведены цифры, характеризующие объемы производства, названы имена мастеров, опубликованы интересные старинные фотографии. Коллектив авторов проделал большую работу. Научная ценность книги весьма значительна. Однако некоторые приводимые сведения нуждаются в дополнении и исправлении.

В 2017 году издательством «Первый класс» опубликована брошюра Г. А. Пудова²⁵. На основе сведений из специальной литературы и информации Государственного архива Владимирской области в ней прослежена история промысла, проанализированы конкретные виды сундуков, приведены ценные биографические сведения о мастерах. В книге содержится отдельная статья о так называемых «гибридах» – сундуках, в чьем художественном стиле отразились влияния различных традиций. В качестве примеров послужили сундуки из разных музейных собраний. Автор констатировал, что «гибридность» следует считать «не только закономерным, но и крайне важным и показательным явлением в истории русского сундучного промысла».

В краеведческом альманахе «Наше Ополье» опубликованы статьи того же автора, освещающие различные аспекты истории промысла: этапы до- и после революции, о мастерских

²⁰ Несмотря на название книги Д. В. Прокопьева, связывающее ее с Нижегородским краем, исследователь затрагивал историю муромского сундука. Дело в том, что муромские сундучники привозили свои изделия в село Павлово на Оке для окончательной отделки и подготовки к продаже на ярмарке. Павлово в ту пору относилось к Горбатовскому уезду Нижегородской губернии. Потому и муромские сундуки часто называли павловскими.

²¹ Гусарова М. Е. Кустарные промыслы крестьян Муромского уезда XVIII века. Муром: издательско-полиграфический центр МИВлГУ, 2002.

²² См.: Документы по истории Муромского посада первой четверти XVIII в / сост. В. Я. Чернышев. – Владимир: Изд-во Владимирского гос. ун-та, 2011. – (Памятники истории Муром; вып. 6). С. 25–26, 85 – 140. Не упоминаются они и ранее, см.: Писцовая книга г. Муром 1636/37 г. / В. Я. Чернышев; Владим. гос. ун-т. – Владимир: изд-во Владим. гос. ун-та, 2010. – (Серия «Памятники истории Муром»). Вып.2).

²³ В. Я. Чернышев справедливо писал: «на сегодняшний день тема социально-экономического развития Муром XVIII в. почти не раскрыта. Она еще ждет своего изучения, глубокого, тщательного и всестороннего» (Документы по истории Муромского посада первой четверти XVIII в., С. 22).

²⁴ Помыслы о вачских промыслах: промыслы и ремесла Нижегородской области / [Фонд развития нар. худож. промыслов Нижегород. обл.]; авт.-сост. и ред.: Ф. Лепеев. – Нижний Новгород: Литера, 2014, С. 104–107.

²⁵ Пудов Г. А. Сундучный промысел Муромского уезда Владимирской губернии (II половина XIX – I половина XX века). – СПб.: Первый класс, 2017.

А. И. Желтикова и В. А. Тебекина²⁶. Маркировке сундуков посвящена статья Г. А. Пудова, опубликованная в научном сборнике Всероссийской конференции «Уваровские чтения», которая проходила в Муроме в апреле 2019 года²⁷. В ней рассмотрены клейма различных заведений, бумажные этикетки, а также буквенные обозначения, нанесенные в технике тиснения.

Таким образом, исходя из приведенного обзора можно сделать несколько выводов:

1. В большинстве работ муромский сундук рассматривается не как произведение народного искусства, а как предмет этнографии и краеведения. По этой причине не анализировались многие вопросы, связанные с муромским сундуком как художественным памятником, например, роль сундучного производства в культуре Владимирской губернии, значение классицизма и ампира для развития художественного стиля муромского сундука, взаимодействие муромского центра с другими центрами производства сундуков и проч. Лишь в недавнее время эти и им подобные проблемы начали разрабатываться в научной литературе.

2. Значительную роль в начале изучения муромского сундука сыграли периодические издания Владимирской губернии, среди статей и заметок особо следует выделить труды Н. Г. Добрынкина.

3. Несмотря на оживившийся сегодня интерес к муромскому сундуку, его историография не соответствует его значению в истории народного искусства. На настоящий момент остается множество лакун. Наиболее перспективными направлениями работы представляются изучение историй конкретных мастерских. В данном случае немалое значение имеет, как и прежде, выявление новых клейм и сопоставление их со сведениями из статистической и краеведческой литературы.

²⁶ Пудов Г. А. Муромский сундук в дореволюционный период // Наше Ополье. – 2017. – №4 (21). – С. 38—46; Пудов Г. А. Материалы о сундучном заведении А. И. Желтикова (Владимирская губерния, Муромский уезд, 2-я половина XIX в. – 1-я половина XX в.) // Наше Ополье. – 2019. – №1 (25). – С. 39—47; Пудов Г. А. О сундучном заведении В. А. Тебекина (Владимирская губерния, Муромский уезд, I четверть XX века) // Наше Ополье. – 2019. – №4 (28). – С. 41—44.

²⁷ Пудов Г. А. О маркировке сундуков Муромского уезда Владимирской губернии (XIX – I половина XX века) // Уваровские чтения – XI. Музей: книга отзывов. Материалы всероссийской научной конференции, посвященной столетнему юбилею Муромского историко-художественного музея. Муром, 17—19 апреля 2019 г. Выкса, 2019, С. 232—236.

I. КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ СУНДУЧНОГО ПРОИЗВОДСТВА В МУРОМСКОМ УЕЗДЕ

Истоки. Промысел в XIX веке

Как указывалось в газете «Владимирские губернские ведомости» за 1858 год, «Владимирская губерния давно стоит в ряду первых по развитию в ней промыслов и торговли. В ней нет ни одного села, ни одной деревни, почти ни одного семейства, которые не имели бы промышленных занятий, сверх земледелия»²⁸. При этом Муромский уезд относился к числу самых развитых в губернии. Кроме сундучного, здесь развивалось множество других промыслов, особенно деревообрабатывающих²⁹. Главными причинами этого были обилие материала и выгодное географическое расположение. Определяющую роль играла близость Нижегородской ярмарки, на которой мастера сбывали свои изделия. Река Ока позволяла быстро и относительно дешево доставлять продукцию к покупателю. Среди промыслов, мастера которых занимались обработкой дерева, сундучный был самым распространенным.

До недавнего времени считалось, что муромские сундучники привозили свои изделия в село Павлово на Оке для окончательной отделки и подготовки к продаже на ярмарке, и потому их сундуки надо называть павловскими (хотя уже Н. Н. Овсянников писал, что муромские сундучники «носят название „павловских“ торговцев только потому, что живут близко от известного богатого села Павлова»³⁰). Но, вероятно, в Павлово привозились только изделия мастеров, работающих на скупщиков. И, как показывают статистические сведения, далеко не все муромские сундучные «фабриканты» были связаны с Павлово, – они торговали непосредственно на Нижегородской ярмарке. Кроме того, в селах Муромского уезда было много своих специалистов, работавших с металлом, делавших среди прочего сундучные замки³¹. Некоторые из них даже продавали свои изделия в петербургский Кустарный музей³². Поэтому Муромский уезд с полным правом можно считать *самостоятельным* центром производства сундуков.

Точное время и обстоятельства появления промысла по производству сундуков неизвестны³³. Как указывалось в предыдущем разделе, в документах XVII – XVIII веков среди многочисленных муромских ремесленников нет упоминаний о сундучниках. Однако производство, вероятнее всего, уже существовало, хотя мастера и не работали на широкий рынок.

²⁸ О промыслах Владимирской губернии//Владимирские губернские ведомости. №47, 1858, 22 ноября, часть неофициальная.

²⁹ См., например: Федосеев Л. А. Краткий очерк кустарной промышленности Владимирской губернии: [Сост. по распоряжению г. Владим. губернатора и. д. секр. Ком. Л. А. Федосеев]. – Владимир: Владим. губ. стат. ком., 1901.

³⁰ Овсянников Н. Н. О торговле на нижегородской ярмарке//Нижегородский сборник. Т. I, ч. II, Нижний Новгород, 1867, С.153.

³¹ РГИА, ф.401, оп. 1, д.28. См. также: Добрынкин Н. Производство сундучных замков в Муромском уезде//Владимирские губернские ведомости. – 1885. – №47, часть неофициальная.

³² РГИА, ф.400, оп.1, ед. хр. 19, л.17.

³³ В газете «Владимирские губернские ведомости» за 1841 год, в статье, посвященной кустарным промыслам Муромского уезда, о сундучном промысле нет ни одного упоминания (см.: Промышленность жителей Муромского уезда//Владимирские губернские ведомости. Прибавление. – №42. – 1841. – С. 185—186). В той же газете за 1858 год есть упоминание только о селе Чулково как о центре сундучного промысла (см.: О промыслах Владимирской губернии//Владимирские губернские ведомости. – №47. – 1858, 22 ноября, часть неофициальная). Но в данном случае речь идет о развитых *кустарных* промыслах, ориентированных на рынок. И в таком виде сундучный промысел в Муромском уезде, видимо, сформировался к середине XIX века.

Поначалу «дело» сундуков (как кустарное производство) существовало в четырех деревнях: Соловьево, Лохани, Варыпаево, Чулково. В 1880-е годы промысел распространился в деревнях Варез, Пурки и Криуши. В начале XX века сундуки начали делать в Иголкине, Бобынино, Поляне, Кошкино, Бангино и Шимикино. При подворной переписи 1897 года в нескольких муромских деревнях зарегистрировано: «498 человек вязал..., 155 человек обойщиков жостью, 15 человек окрашивают жость и 17 человек кузнецов...»³⁴. Всего промыслом было охвачено 23 деревни, центром его была Загаринская волость. По сведениям известного исследователя деревообрабатывающих промыслов Н. А. Филиппова, к 1913 году в промысле было занято 350 человек, делавших более 50000 сундуков³⁵. Он справедливо называл Муромский уезд самым крупным центром по производству сундуков в России³⁶.

О развитии сундучного производства в деревнях Пурки и Бангино в начале XX века приводятся интересные сведения в местной периодике. В деле тогда было занято 1500 человек³⁷. Все они работали на нескольких «заводчиков»: А. С. Ягунова, Н. В. Дунаева, Я. Г. Моренова, Н. В. Маркова и А. И. Желтикова. Один раз в году, 20 сентября, устанавливались цены на «тройку» сундуков. Мастера трудились в помещениях, предоставляемых хозяевами, но своим инструментом. Оплату «фабриканты» производили продуктами по завышенным ценам, поэтому часто в конце года мастер еще оставался должен хозяину. В 1901 (или 1902) году В. Я. Ягунов впервые применил в производстве паровой двигатель для разрезания и строгания досок, а также нарезания на них шипов. Это сразу лишило работы многих мастеров-сундучников, особенно «вязал». Поэтому мастера решили объединиться в артель³⁸. Однако техническое новшество просуществовало недолго, потому что «сундук из под машины выходит плох, расклеивается»³⁹.

Округа села Чулково в XIX столетии также была знаменита своими сундучных дел мастерами. Основателем этого промысла на рубеже XVIII – XIX веков был бурмистр имения князя Петра Багратиона Иван Яковлевич Сметанин. Он основал небольшое заведение в деревне Поляна⁴⁰. Когда Багратион умер, его имение перешло в казну, и И. Я. Сметанин, лишившись должности, расширил производство сундуков.

В самом селе Чулкове сундучное производство с 1830 года развивал купец I гильдии Николай Степанович Тулупов. Для обучения местных мастеров он пригласил сундучников из города Макарьева Нижегородской губернии – известного центра производства сундуков и шкатулок. Тулупов продавал свои изделия на Нижегородской ярмарке. Он умер около 1890 года, задолго до его смерти семейным делом начал руководить его внук Сергей Иванович Тулупов. Заведение последнего было значительно крупнее других местных мастерских. В отличие от них, «фабрика» Тулупова участвовала в выставках разного уровня. Сундуки сбывались через Астрахань в Персию и через Таганрог на Кавказ⁴¹. В начале XX века С. И. Тулупов объединил свои капиталы с опытом хозяина-сундучника Платонова (в ту пору местные «фаб-

³⁴ Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Том I. Муромский уезд. Вып. III. Промыслы крестьянского населения. Владимир: типо-лит. губ. земской управы, 1913, С. 24.

³⁵ В литературе называются разные цифры. Например, Л. А. Федосеев пишет о 100000 изготовленных сундуков (см.: Федосеев Л. А. Указ. соч., С.10).

³⁶ Филиппов Н. А. Кустарная промышленность России: Промыслы по обработке дерева / Сост. проф. Н. А. Филиппов при участии В. А. Петровского, В. П. Родникова [и др.]; Г.У.З. и З. Отд. сел. экономики и с.-х. статистики. – СПб.: типо-лит. «Якорь», 1913, С. 67.

³⁷ Цифра, вероятно, сильно преувеличена.

³⁸ А. С. П. Артель кустарей – сундучников в Муромском уезде//Владимирская газета. – 1902. – №20. – С. 3. См. также: Владимирская газета. – 1902. – №4. – С. 3.

³⁹ Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Том I. С. 27.

⁴⁰ Его дело продолжил сын, С. И. Сметанин, в 1830 году.

⁴¹ См. подробнее: Помыслы о вачских промыслах. С. 104 -105.

риканты» часто создавали подобные «совместные предприятия», так как для существования производства были необходимы значительные финансовые средства).

О масштабах производства сундуков в Муромском уезде говорят следующие факты: в 1911 году в Загаринской волости насчитывалось 663 кустаря, их годовой заработок был 71, 5 тыс. рублей. На долю сундучников приходилось 59,1 тыс. рублей⁴². О значении сундучного дела для мастеров земские деятели писали: «Промысел, и только один промысел, питает здешнего крестьянина»⁴³. Далее целесообразно привести обширную цитату, в которой характеризуется экономический быт муромских мастеров: «Хозяйственное положение сундучников таково, что они живут более чем наполовину своим промыслом. Надел в 2 – 3 десятины на душу далеко не обеспечивает двора даже хлебом... Никаких других заработков в здешнем районе не имеется, женщины не занимаются ничем [речь идет о кустарных промыслах – Г.П.], а мужчины – только сундуками (из 339 сундучников занимаются еще каким-нибудь промыслом только 16 лиц, остальные целый год только делают сундуки... Мужчины почти не прикасаются к полевым работам – все свалено на руки женщин... 60% сундучников работают 11 и более месяцев в году, около 10% совершенно не отрываются от промысла. Остальные отрываются немного только для сенокоса»⁴⁴.

Во II половине XIX – I половине XX века изделия муромских мастеров часто продавались через скупщиков (если заведение не торговало самостоятельно на ярмарке). Одним из самых известных был торговец по фамилии Акифьев⁴⁵, поставлявший ежегодно сундуков на 2 тысячи рублей⁴⁶. Сундуки к 15 июля на барках по Оке привозились скупщиками на Нижегородскую ярмарку, торговля ими производилась до конца августа. Чаще всего на продажу шел «шестерик», то есть большой сундук с пятью маленькими внутри.

⁴² Там же. С. 106.

⁴³ Положение сундучного промысла в Муромском уезде. (Результаты исследования, произведенного осенью 1903 года членом управы Г. А. Смирновым совместно со статистиком губернского земства А. В. Смирновым) // Доклады Владимирской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1903 года. По экономическим вопросам. – Владимир на Клязьме: типо-литография губернской земской управы, 1903, С. 46.

⁴⁴ Там же. С. 45.

⁴⁵ В 1870 году упоминаются павловцы Алексей и Петр, а также Иван с братьями Акифьевы, торговавшие сундуками на Нижегородской ярмарке в Макарьевском сундучном ряду (см.: Алфавитный указатель лиц торгующих на нижегородской ярмарке. – М., 1870, С. 49)

⁴⁶ Овсянников Н. Н. Указ соч., С. 150; Прокопьев Д. В. Художественные промысла Горьковской области. – Горький: Горьк. обл. изд-во, 1939, С. 87.

Постреволюционный период

После революции 1917 года на основе частных сундучных мастерских были созданы артели. Первые были зарегистрированы 24 января и 6 марта 1919 года соответственно⁴⁷. Это – «Приокская сундучно-столярная и по выработке кузнечных мехов трудовая артель „Прогресс“ в д. Пурки Варежской волости» и «Загаринская районная столярно-кузнечная и по выработке кузнечных мехов трудовая артель при д. Поляне Загаринская волости». Руководство ими осуществлял Владимирский губернский Совнархоз. Все сундуки и материалы из частных заведений поступили в его распоряжение, причем они оставались на хранении у прежних хозяев (но им уже не принадлежали)⁴⁸. Не все хозяева сундучных мастерских добровольно отказались от своего имущества. Чуть позже от них поступили заявления, в которых они просили либо вернуть им отнятое, либо разрешить продать, поскольку от этого зависело существование их семей⁴⁹. Кроме того, бывшие хозяева-сундучники просили повысить цены за «принятые» сундуки и материалы, оплатить хранение их же изделий и снять с учета «непринятые» материалы⁵⁰. У некоторых хозяев вещи были отняты сразу и переданы артелям. Например, у братьев Овсовых, кроме собственно сундуков, отняли и передали в Загаринскую артель «жареное железо, крон, личины средние, мелочь скобяную, гвоздики, чеканку из жести, жечь белую, пробой средние, накладки черные» и другое⁵¹. Справедливости ради надо отметить, что большинству сундучников было заплачено за отнятое.

Как же советская власть рассчитывала поступить с экспроприированным добром? «Агенту для поручений» А. П. Барскову было поручено принять у частных сундучников их изделия (при этом Губсовнархоз уже передал их «на бумаге» Губпродукту) и погрузить их на баржу, а также дополнительно загрузить сундуками 5 вагонов и отправить их в Муром, поскольку изделия уже распределены среди населения губернии⁵². Местным властям предписывалось помочь А. П. Барскову, так как многие хозяева решительно противились окончательной потере своих сундуков.

В это время в Варежской и Загаринской волостях работали «агенты», защищавшие интересы Владимирского Совнархоза (до февраля 1919 года им был А. Ф. Моренов, затем – В. А. Ягунов⁵³). Не все складывалось удачно во взаимоотношениях этой организации и артелей. Следует привести письмо из Совнархоза агенту А. Ф. Моренову: «По имеющимся сведениям, Варежская артель производит скупку готовых изделий, на что не имеет никакого права. При приемке у нее готовых изделий следует выяснять, какого происхождения изделия, т.е. выработаны ли они артелью, или куплены... Выдачу местного материала прекратить, а остальной материал от владельцев следует выдавать только на сделанный заказ 750 мест. За выдачу материала сверх заказа, ответственность будет возложена на Вас. Сведения о выдаче материала... следует высылать незамедлительно...»⁵⁴. На это письмо последовал быстрый ответ. А. Ф. Моренов заверял, что «скупка готовых сундучных изделий допущена не будет», «никакого самочинного выступления Правления артели из пределов прямого назначения допущено не будет»,

⁴⁷ ГАВО, ф.511, оп.1, д.464, л. 32—32об.

⁴⁸ В архивных документах перечислено более 30 хозяев (ГАВО, ф.511, оп.1, д. 441, л. 40). Послереволюционная суматоха, наличие множества контролирующих органов порой порождали комичные ситуации. Например, волостная комиссия по чрезвычайному налогу не знала, с кого взysкивать налог: с сундучников или с Владгубсовнархоза?

⁴⁹ ГАВО, ф.511, оп.1, д.441, лл. 14, 41, 78 и др.

⁵⁰ ГАВО, ф.511, оп.1, д.441, лл. 135, 138, 139.

⁵¹ ГАВО, ф.511, оп.1, д.441, л. 152, 155.

⁵² ГАВО, ф.511, оп.1, д.441, л. 86.

⁵³ ГАВО, ф.511, оп.1, д.441, л. 17.

⁵⁴ ГАВО, ф.511, оп.1, д.441, л. 2.

далее он писал, что «счетоводство налаживается», «порядок восстанавливается», «выработка сундуков усиливается», и вообще «работа происходила в полном порядке»⁵⁵.

Таким образом, из этой переписки можно сделать вывод, что артели, находившиеся в ведении Владсовнархоза, находились под жестким контролем этой организации. Он проявлялся в директивном стиле управления, вполне характерном для того времени.

Несмотря на заверения Моренова, работу артелей наладить быстро не удалось, приходилось постоянно преодолевать трудности, связанные с недостатком материалов, борьбой с «дикими» артелями⁵⁶, сопротивлением бывших хозяев. Артели находили разные решения. Например, Загаринская доставала материал у прежнего владельца Тулупова и у председателя Варежской артели А.В.Веденева⁵⁷, олифу просили у Владимирского Губотдела продовольствия и на заводе Никитина в Муроме, столярный клей – в Катунском районе Нижегородской губернии и т. д. В целом надо отметить, что роль частных заведений в становлении артелей была очень велика, хотя отношения между ними часто были весьма напряженными. Порой артельщики незаконным образом отбирали у хозяев сундучный инвентарь и не возвращали обратно. Почти все попытки восстановить справедливость заканчивались безрезультатно⁵⁸.

На каких же условиях работали сундучные артели в составе Совнархоза и какова была их производственная мощь? Председатель Загаринской артели Иван Иванович Кокурин доносил: «Загаринская районная трудовая артель может изготовить сундуков к 1 июля 1919 года 2000 мест, работаем в Губернском совете народного хозяйства, получаем за работу и 15% с рубля стоимости сундуков»⁵⁹. Далее приводится ведомость материалов артели: «накладки, проволока, обрезки жести, толстое железо, железо пучковое, ... гвозди, крон, белила, лазурь, масло, клей столярный, чекан, печатки, морозная жесь, личины крупные и средние, подъемы, петли, сажа, малярный клей»⁶⁰. Все материалы были получены от Совета народного хозяйства. В 1919 году артель производила 400 мест сундуков в месяц (кроме кузнечных мехов и ульев)⁶¹.

Мастера артели «Приокский прогресс» делали 600 мест окованных сундуков в месяц, основным цветом был зеленый (использовались краски: крон, белила, лазурь, мумия, мило-рия)⁶². Ее организатор и первый руководитель – Иван Дмитриевич Киселев. Артель находилась в бывших помещениях С. И. Тулупова. В 1925 году она насчитывала 52 мастера. Количество продукции исчислялось вагонами. Например, известно, что артель продала три вагона сундуков местным торговцам, братьям Житковым⁶³. В 1926—1927 годах произошло укрупнение артели. В нее вошли артели Ишутинская, Полянская, Криушинская, Кошкинская кузнечно-меховая, Арефинская по производству сундучной фурнитуры. Председателем этого сложного образования стал Петр Васильевич Фокин. Артели был выделен участок земли около реки. Сундуки изготовлялись в нескольких цехах и по Оке отправлялись покупателям. По данным на 1930 год в артели работало 518 человек⁶⁴. В 1931 году Криушинская артель перешла в Варежскую сундучную артель, а «Приокский прогресс» был переименован в «Знамя труда». Заведующим производством, а затем и председателем стал Иван Алексеевич Леваков.

⁵⁵ ГАВО, ф.511, оп.1, д.441, л. 3—3об.

⁵⁶ Так в документах того времени назывались самостоятельные артели, т.е. не подчиняющиеся Совнархозу.

⁵⁷ ГАВО, ф.511, оп.1, д.441, л.175. Кроме него в Правление входили П. М. Ягунов и И. Ф. Платонов.

⁵⁸ Например, из заведения Корешковых был взят инвентарь без разрешения и документов Совнархоза и не возвращен (см.: ГАВО, ф. 511, оп. 1, д. 441, л. 204, 205).

⁵⁹ ГАВО, ф.511, оп.1, д.441, л. 599.

⁶⁰ ГАВО, ф.511, оп.1, д.441, л. 600—600 об.

⁶¹ ГАВО, ф.511, оп.1, д.441, л. 617.

⁶² ГАВО, ф.511, оп.1, д.441, лл. 618, 619.

⁶³ Плюсы и минусы чулковской сундучной артели. С. 3.

⁶⁴ Помыслы о вачских промыслах. С. 107.

Надо отметить, что еще в 1919 году и Загаринская артель и «Приокский прогресс» вошли во Владимирский союз артелей, причем в первой было 78 мастеров, во второй – 70 (на фоне других артелей это было весьма значительными цифрами)⁶⁵.

К 1927—1928 годам сундучный промысел оставался в числе самих крупных⁶⁶. Главные роли в управлении им перешли к Муромскому кустарному промысловому союзу, в который на тот момент входило четыре сундучных артели (мастеров числилось 353 человека)⁶⁷. Осуществлялись попытки переориентировать продукцию артелей с местного рынка на внешний, направить ее «в страны Востока и Запада, укрепляя тем самым активность... баланса по внешней торговле»⁶⁸. Организация внедряла четкий планово-договорной принцип в управлении артелями. Мастера работали как на дому, так и в специальных помещениях. У артелей существовали отделения в разных деревнях. О том, как была поставлена работа в 1922 году, свидетельствует документ (приказ) из архива Муромского музея:

«Ввиду окончания сезона сельско-хозяйственных работ с 20 с. м. тов. ТАГУНОВУ начать подготовительные работы к производству в Варежском районе сундучных изделий и кузнечных мехов для чего 1) Заведывающему Варежским лесозаводом отпустить для заготовок на сундуки 10000 ольхового тесу, который должен быть разработан при заводе и сложен в заводские склады. 2) Для заведывания производством, как ответственного специалиста привлечь гр. П. М. ЯГУНОВА допустив ему оплату из выработки до 5% и на расход по учету и канцеляр. 2% (включая и счетных сотрудников) 3) Для мастерских и складов использовать помещение близ пристани произведя необходимый ремонт. 4) Все материалы, инструменты и т. д. т. ТАГУНОВУ передать по актам ЯГУНОВУ под его личную ответственность. Тов. Тагунову озаботиться приобретением всех недостающих для сундучного и мехового производства материалов. Управл. Местн. Пром. Е. МУШОВИЧ»⁶⁹

В 1926—27 годах было закуплено сундучного сырья на 50716 руб. 34 коп., в 1927—28 годах – на 98372р.23к.⁷⁰ Сырье закупалось из разных источников: через государственные и кооперативные органы, у частных лиц и членов Союза. По плану на 1927—1928 годы сундучные артели должны были изготовить сундуков на 280000 рублей, а сделали на 314 428 руб. 90 коп., т.е. перевыполнили план на 12,3%⁷¹. При этом сбыт сундучных изделий по отношению к общим показателям Союза составил в 1926—1927 годах 28,7%, а в 1927—28 годах – 18,1%⁷², что свидетельствует о значительной роли сундучного промысла. Улучшение экономических показателей позволило взять займы, за счет которых удалось оказать поддержку сундучным артелям, в т.ч. «Приокскому прогрессу» (в будущем – «Знамя труда») было выдано 14 000 р., Полянкой артели – 12 000 р. и Чулковской артели – также 12000 р.⁷³. На 1928—1929 годы было запланировано изготовить сундуков уже на 450 000 руб. Стоит отметить, что при Муркустпромсоюзе существовала социальная работа, а также касса взаимопомощи, оказывавшая поддержку пострадавшим, вдовам, больным.

Как указывалось выше, в сундучном промысле были кустари, не вступившие в артели. Например, в Арефинской волости на 1926 год значилось 56 хозяйств, где делали сундуки, и 70 мастеров⁷⁴.

⁶⁵ ГАВО, ф.511, оп.1, д.441, лл. 648, 651.

⁶⁶ ГАВО, ф. 511, оп.1, д. 2697, л. 7.

⁶⁷ ГАВО, ф. 511, оп.1, д. 2660, лл. 1—2.

⁶⁸ ГАВО, ф. 511, оп.1, д. 2697, л. 9.

⁶⁹ Документы С. Н. Тагунова // НА МИХМ, ф. 8, оп. 2, ед. хр. 18, л. 3.

⁷⁰ ГАВО, ф. 511, оп.1, д. 2697, л. 19.

⁷¹ ГАВО, ф. 511, оп.1, д. 2697, л. 19об.

⁷² ГАВО, ф. 511, оп.1, д. 2697, л. 19об-20.

⁷³ ГАВО, ф. 511, оп.1, д. 2697, л.22.

⁷⁴ ГАВО, ф. 3278, оп.2, д. 194, л.20.

В 1919 году на Нижегородскую ярмарку из Муромского уезда прибыло 17 сундучников, доставивших товара на сумму 80—110 тыс. рублей. Было продано 24 тысячи сундуков, изготовленных чулковскими мастерами (а также артелью «Прогресс» из Варежа)⁷⁵. Сундуки в округе Чулкова изготавливались круглый год, спрос был весьма активный⁷⁶. Отмечается, что изделия отличались высоким качеством, были разных размеров и форм. В 1932 году в артели «Знамя труда» наладили мебельное производство.

⁷⁵ Помыслы о вачских промыслах. С. 106.

⁷⁶ Там же. С. 106.

Послевоенный период

Во время войны делали ящики для боеприпасов. К концу войны производство сундуков и мебели было восстановлено. До военного времени в артели было 300 сотрудников, а в конце войны – 49. В 1946 году «Знамя труда» передали в подчинение «Облхимпотребсоюзу». В 1956 – в Госпромышленность, под руководство мебельного Союза. Старались развивать производство разных видов мебели, а не только сундуков. В 1963 году артель переименовали в фабрику и передали Павловскому механическому заводу. Постепенно от производства сундуков перешли к изготовлению мягких кресел. С 1990 года Чулковский мебельный цех переименовали в цех №78 Павловского механического завода им. Кадышева. В 1994 году в связи с очередным преобразованием цех вновь переименовали. Он стал называться «Малое предприятие ТОО «Берег – 94» Павловского завода. В декабре 1994 года цех закрыли⁷⁷.

* * *

Рассмотрим несколько сундуков, изготовленных в артелях Муромского уезда.

Сундук значительных размеров, окрашенный в коричневый цвет, находится сегодня в частном собрании. Его форма и конструкция характерны для муромских изделий: вертикальные стенки, покатая крышка, резные ножки, на лицевой стороне – три петли сложной формы, в которые вставляется длинный стержень. На боковых сторонах – по две литые ручки. Вся поверхность сундука покрыта жестяными полосами, образующими сетку. Края обрамлены широкими лентами, также состоящими из тонких жестяных полос. Они вносят упорядоченность и четкость в общее художественное решение изделия. Изнутри конструкция сундука укреплена полосами с тиснеными узорами. Сбоку – полочка для документов и предметов, связанных с женским рукоделием. Она состоит из трех отделений. На внутренней стороне крышки помещена этикетка, свидетельствующая о том, что сундук был изготовлен в артели «Приокский прогресс». Если б не наличие этикетки, то изделие вполне можно было бы отнести к продукции заведений конца XIX – начала XX века.

Другой сундук, также находящийся в частном собрании, декорирован несколько разнообразнее (отличие конструкции состоит лишь в том, что у него одна петля, а не три). Он окрашен в зеленый цвет, лицевая стенка покрыта темно-коричневыми листами жести, на которые дополнительно наложены в виде сетки тонкие полосы. Кроме того, края лицевой стороны украшены лентами с трафаретным орнаментом, состоящим из растительных и геометрических мотивов. На одной из стенок помещено клеймо «СССР сундучная артель Приокский прогресс». Как и в отношении предыдущего изделия, об этом также можно сказать, что оно почти не имеет отличий от сундуков частных заведений. Надо отметить, что изделию свойственны хорошо найденные пропорции, а также точное соответствие между декором и формой. Звучная декоративность лицевой стенки прекрасно выявляется на фоне глухих зеленых тонов стенок. Различие фактуры поверхностей вносит разнообразие во внешний вид вещи. Мастер сумел скромными техническими средствами богато украсить изделие.

На третьем сундуке (частное собрание) нет полос с трафаретным узором, но вся лицевая сторона покрыта листами «мороженой» жести золотистого цвета, кроме того, сохранился изначальный цвет краски. Это изделие доказывает, что продукция «Приокского прогресса» при всей «конвейерности» не была скучным повторением найденных решений. На некоторых артельных изделиях сохранился музыкальный звон, что также делает сундуки запоминающимися произведениями народного искусства.

⁷⁷ Там же. С. 109.

Надо отметить, что изменения происходили не в конструкции и формах вещей, а в их орнаментике, в частности, появилась советская символика. На одном из сундуков, из числа встреченных автором, были нанесены пятиконечные звезды, серп и молот. Они изготавливались из жестяных полос, что свидетельствует о мастерстве муромских сундучников.

В целом виды сундуков постреволюционного времени, которые изготавливались артелью «Приокский прогресс» очень разнообразны⁷⁸. Встречаются не только простые, лишь окрашенные в зеленый цвет и обитые жестяными полосами в широкую сетку (между клетками нанесены штампиком розетки), но и довольно «богатые» сундуки, сплошь декорированные листами «мороженой» жести. Смена названия не изменила конструкции и принципов декорирования изделий, внешний вид их остался прежним, о чем свидетельствуют сундуки 1940-50-х годов.

Изделия других артелей, например, Полянской (из числа известных автору), порой смотрятся несколько проще, хотя вряд ли в данном случае можно предполагать значительные отличия. Это был единый центр производства с прочными традициями, сформировавшимися на протяжении длительного времени. Кроме того, между организациями не было непроходимых границ: мастера переходили из артели в артель. Стоит также отметить как важный факт наличие единого руководящего центра, откуда «спускались» различные планы и директивы.

⁷⁸ См.: ГАВО, ф. 511, оп.1, д. 441, л. 9, 22, 22об.

II. ОРГАНИЗАЦИЯ И ТЕХНОЛОГИЯ ПРОИЗВОДСТВА СУНДУКОВ

Как во многих других центрах сундучного производства, в Муромском уезде во II половине XIX века существовала строгая специализация: одни мастера делали ящики, другие – красили, третьи – оковывали полосами железа, четвертые – снабжали замками и т. д. (женщины непосредственно в производстве сундуков почти не участвовали⁷⁹, мальчики начинали работать с 12—15 лет). В большинстве заведений было по 25—60 мастеров, работающих на одного хозяина. Часто встречались мастерские, в которых работали 2—5 «вязал», а хозяин сам обивал сундуки жостью. По сведениям деятелей земства рубежа XIX – XX веков, более половины «вязал» работали в особом помещении внизу жилой избы, «обойщики» – в хозяйской мастерской. Хотя условия были в целом удовлетворительными, продолжительность рабочего времени «представляла из себя нечто ужасное»: 20% мастерских работали по 14 часов, 34% – по 13 часов, 26% – по 12 часов, 5,2% – по 15 часов⁸⁰.

Технологические приемы, принятые в муромском сундучном промысле, мало отличались от технологии других центров. Кустари, работавшие в промысле, владели широким спектром технологических приемов, от простейших до сложных. Ящики для сундуков делались по большей части из ольхи (реже – осины и ели). Для их изготовления требовались: топор, две пилы, большая и малая, фуганок, два рубанка, закройник, шпунт, коловрат, жамок, молоток и верстак. Пилами распиливали тесины на доски необходимой величины (дерево покупали на лесопильных заводах, расположенных на берегу Оки). Высушенные доски склеивали по две, вновь сушили. Фуганком стругали дерево вчерне, рубанком отделяли начисто. Закройником (узкий струг) делались выемки по краям досок перед сколачиванием их. Доски сколачивали так, чтоб выступ на крае одной приходился в выемку другой. Они соединялись деревянными гвоздями, предварительно смазанными клеем (коловоротом просверливались отверстия, в которые вбивались деревянные гвозди). Когда были готовы стенки ящика, прикреплялись дно и верхняя часть крышки. Шпунтом (стругом с деревянными винтами,двигающимися через коробку) намечали на боках ящика место, где должны были быть отрезаны края крышки. Она потом отпиливалась. Все названные операции над ящиком производились мастерами на верстаке (кроме сколачивания). Ящики продавались «местами», поштучно, парами, тройками.

Другие мастера делали петли к сундукам. Ими крышка прикреплялась к ящику. Инструментов у петельщиков было немного: ножницы для вырезания из железа петель, молоток, «прошибен» (или «бродок» – металлический гвоздь для проделывания отверстий в железе), зубило, небольшая наковальня, вбитая в деревянный чурбан, насека, вбитая в тот же чурбан, для надрезания железной проволоки. Принцип производства петель состоял в соединении двух приготовленных заранее (выкроенных из железа) полосок проволокой.

Производство замков к сундукам также осуществлялось в отдельных мастерских. Многие из них располагались в Павлово, весьма заметную роль сыграло также село Зяблицкий Погост⁸¹. Инструменты замочников были как кузнечные (молотки, наковальни, клещи), так

⁷⁹ В 1913 году были известны лишь три женщины – чеканщицы (Материалы для оценки земель Владимирской губернии. Том I. Муромский уезд. Вып. III. Промыслы крестьянского населения. – Владимир: типо-лит. губ. земской управы, 1913, С. 27).

⁸⁰ Там же. С. 28.

⁸¹ В 1900 году была создана Зяблицкая кустарная артель по производству замков для сундуков. Делались в основном дешевые сорта, от 5 коп. до 1 р.20 коп. Дорогие замки делались только по специальному заказу. Годовое производство – до 160 тыс. замков на сумму 35 тыс. руб. В артели работало 100 постоянных членов и 17 временных-наемных. Производство было исключительно ручным. Материал покупался с Нижегородской ярмарки и в с. Павлово, на сумму до 12 тыс. руб. Сбывались замки местным сундучникам и в разные города России. На Шуйской кустарной выставке артели было выражено «удовольствие» от министра внутренних дел (см.: Указатель Всероссийской кустарно- промышленной выставки. 1902, С. 29).

и слесарные (пилы, тиски, ножницы и т.д.). Замки и ключи делались из латуни и различных сортов железа. Производство заключалось в ковке отдельных частей, отделке их, составлении из деталей целого замка. По описаниям Н. Г. Добрынкина, при производстве сундучных замков существовало «четверо рук»: «коваль», «покрывальщик», «отдельщик», «паяльщик» (см. словарь и приложения)⁸². Делались и продавались замки разных видов, отличавшиеся между собой по сложности конструкции и стоимости.

Другие технологии использовались при декорировании сундуков. Первая из них – печатание узоров на железе. Лист жести намазывался олифой (использовалась щетинная кисть), затем сушился в печи, чуть позднее измененным составом олифы на нем печатались различные рисунки (часто для этого использовали бумажные трафареты, другие сундучники отдавали предпочтение кускам березовой пробки с вырезанными на ней узорами, третьи – пробочному катку, который прокатывался по поверхности листа), вновь сушили, потом натирали киноварью, покрывали олифой и снова ставили в горячую печь. Главным в ремесле печатальщика было сварить хорошую олифу, так как от ее качества зависел результат всей работы. Надо отметить, что печатание узоров на листах относилось к самым вредным для здоровья производствам.

Сундуки украшались не только печатными рисунками, но и листами прочеканенного железа. Инструментами чеканщика были чеканы разного профиля, молоток, деревянная доска, покрытая слоем смеси из смолы и песка (к ней прибивался железный лист). Работа производилась в домашних условиях. Рисунок переводился с бумажного листа на жестяной (через отверстия, по которым проводили мешочком с толченым мелом). Лист жести с рисунком прибивали к доске со смолой и песком, замораживали этот состав. После чеканки лист снимали. Техника чеканки мало изменялась со временем.

Вероятно, самой эффектной техникой, применявшейся в сундучном промысле, была «морозка» жести. Технология «морожения» железа основана на кристаллизации расплавленной полуды (смеси олова и свинца), при добавлении капель воды, и химической реакции на кристаллизованную полуду смеси серной и азотной кислот. Брели жестяной лист клещами и держали стороной, покрытой полудой, над огнем, до полного расплавления полуды, затем снимали лист с огня и клали на доску, из лейки лили воду на лист. Потом его протирали сухой тряпкой и обрабатывали смесью купоросного масла, водки и воды. Потом лист сушили (летом – на солнце, зимой – в печи) и лакировали. Если необходимо сделать его цветным, то покрывали не лаком, а олифой. Листы с зеленой «морозкой» получали при покрытии их веницейской ярью, смешанной с масляным лаком (и позднее – просушивании в продолжение суток).

⁸² Добрынкин Н. Г. Производство сундучных замков в Муромском уезде // Владимирские губернские ведомости. – 1885. – №47, часть неофиц., С. 1 – 3.

III. О МАРКИРОВКЕ СУНДУКОВ МУРОМСКОГО УЕЗДА

Частные мастерские и артели придерживались одинаковых принципов клеймения. В целом маркировка сундуков Муромского уезда отвечала дореволюционному законодательству⁸³. В «Уставе о промышленности фабричной и заводской» указано (изд. 1857 г., ст. 74, 77): «Клеймение или неклеямение российских разного рода фабричных и мануфактурных изделий предоставляется на волю каждого производителя», «Клеймо должно содержать в себе означение имени и фамилии фабриканта, хотя начальными буквами, и места, где фабрика находится. Клеймо должно быть означено прочно и явственно: буквы на оном должны быть непременно российские...»⁸⁴. Маркированным изделиям предоставлялись льготы при прохождении через таможеню.

В настоящее время выявлено свыше трех десятков клейм и этикеток на муромских сундуках (это значительно больше, чем на изделиях других центров⁸⁵). Несмотря на то, что среди сундуков местных мастеров часто встречаются не маркированные, количество изделий, так или иначе свидетельствующих о принадлежности какому-либо заведению или артели, весьма велико. Наличие большого числа клейменных изделий облегчает изучение промысла, ибо в некотором смысле «материализует» информацию, содержащуюся в статистической и краеведческой литературе. При сопоставлении сохранившихся сундуков со сведениями из различных источников, возможно не только расширить представление о конкретных сундучных мастерских, но и представить общую картину развития промысла во II половине XIX – середине XX столетия.

Различные виды маркировки соответствовали конкретным типам сундуков (можно предположить, что клейменные изделия предназначались для заграничного покупателя). На изделиях муромских мастеров встречается несколько видов маркировки: клейма, нанесенные белой краской с помощью трафарета; прямоугольные бумажные этикетки; чернильные клейма; клеймо, награвированное на жестяном листе (это скорее исключение, чем правило); буквенные обозначения, выполненные в технике тиснения на внутренней стороне крышки сундука. Рассмотрим их по порядку.

Клейма, нанесенные на сундуки трафаретом и краской, – самые распространенные в промысле. Они встречаются на крышках и боковых стенках сундуков среди розеток, также нанесенных трафаретом или штампом. Поэтому клейма не сразу заметны. Они бывают разной формы, широко распространен круг, составленный из точек и/или изображений лавровых листьев, внутри которого под буквой Ф («фабрики») помещены инициалы и фамилия хозяина заведения. В качестве примеров можно указать на клейма мастерских Петра Трофимовича Дворянкина, Александра Ивановича Желтикова, Ивана Васильевича Овсова и других. Иногда в круг помещались не только инициалы и фамилия хозяина, но и слово «завода» и краткий адрес заведения. Пример – клеймо мастерской Надежды Семеновны Тебекиной: «завода Н. С. Тебекиной», «адрес озябликово»⁸⁶. Не исключено, что изображение лаврового венка, которое можно усмотреть при анализе внешнего вида этого типа муромских клейм, имеет

⁸³ Панкова М. Н. Эволюция и развитие законодательства о средствах индивидуализации в России // Вестник Военного университета. – 2011. – №3 (27). – С. 156–163.

⁸⁴ См.: Неболсин А. Г. Законодательство о фабричных и торговых клеймах в России и за границею. – СПб.: тип. В. Ф. Киришбаума, 1886, С. 52, 53.

⁸⁵ См. подробнее: Пудов Г. А. О клеймах и надписях на уральских сундуках и шкатулках // Антиквариат. Предметы искусства и коллекционирования. – 2014. – №9. – С. 128–132.

⁸⁶ В других ее клеймах просто указывалось: «завода Н. С. Тебекиной».

своим истоком один из декоративных мотивов классицизма. Вероятно, именно с таких клейм после 1830 года началась история маркировки муромских сундуков.

Не менее широко распространены клейма, форма которых зависит от того, что именно хозяин хотел указать о себе и своем «торгово-промышленном заведении»: линия из точек (или треугольников и других геометрических фигур) просто обводит строки той или иной длины. Вследствие этого форма такого вида клейм бывает довольно сложной. Например, в клейме Семена Васильевича Рудакова указано: «С. В. Руд сплемяни» («С. В. Рудаков с племянниками»), а в клейме Акима Савельевича Ягунова – «Ф старшаго А. С. Ягунова».

Еще раз подчеркнем, что этот вид маркировки сегодня встречается чаще других. Его же после 1917 года использовали местные артели: «Приокский прогресс», «Чулковская сундучная артель» и проч.

Наряду с ним (порой – вместо него) хозяева заведений использовали прямоугольные бумажные этикетки, которые помещались на внутренней стороне крышки сундука. Такие этикетки, которые по сути были рекламой, по сравнению с вышерассмотренными клеймами предоставляли возможность дать более расширенную информацию о мастерской. Например, на сундуках А. И. Желтикова встречается большая наклейка с тремя печатными надписями, обрамленными изящными виньетками: «Заведение разных сортов сундуков Александра Ивановича Желтикова», «Адресь село Павлово Нижегород. г. съ передачею въ дер. Кріуши, А. И. Желтикову», «Торговля въ Нижегородской ярмарке, близъ шоссе, Сундучный рядъ, и торговля и пріемъ заказовъ при заведеніи». Хозяин другого сундучного заведения, Егор Николаевич Малышев, указывал: «Е. Н. Малышев в с. Варежъ Владимірской губер. Муромск. уезда», «Основные правила моей торговли: лучший товар, недорогія цены, аккуратное исполнение заказовъ», «Адрес: село Павлово Нижегород. губ.». Третий, Василий Иванович Смолин, считал необходимым указать в этикетке среди гирлянд цветов (кроме адреса мастерской): «Товарь работаю собственноручно. Все заказы исполняются добросовестно и по самымъ дешевымъ ценамъ». Не менее содержательные этикетки были у заведений Дмитрия Михайловича Корешкова и Николая Васильевича Маркова. Их орнаменты целиком выдержаны в стиле модерн и могут рассматриваться в контексте истории прикладного искусства.

Представляется, что одним из главных источников декоративных мотивов муромских рекламных этикеток был русский плакат конца XIX – начала XX века, который в свою очередь испытал разнообразные влияния. Е. Д. Климова писала: «На процесс эволюции этого вида прикладной графики оказывали влияние самые разнообразные факторы, как из области изящных искусств, так и из сфер, казалось бы, далеких от нее...» и далее: «Плакаты стиля модерн были адресованы, в основном, привилегированной части общества. Однако многие композиционные приемы, выработанные в ту эпоху, нашли впоследствии широкое применение в графической рекламе, независимо от того, к какому социальному слою общества она была обращена»⁸⁷. Надо отметить, что заимствовались лишь орнаментальные рамки рекламных плакатов, а изображения внутри них исключались⁸⁸. Возможно, некоторую роль здесь также сыграло декоративное оформление и клеймение русской жестяной упаковки рубежа XIX—XX веков. Присматривается общность композиций и декоративных мотивов⁸⁹.

В рекламной этикетке важны художественная и коммерческая составляющие. Крайне редко, когда муромская этикетка ориентируется на равное сочетание этих двух принципов

⁸⁷ Климова Е. Русский рекламный плакат: становление жанра // Рекламный плакат в России. 1900—1920-е / Альманах. Вып. 275. – СПб.: Palace Editions, 2010, С. 6, 9. См. также: Боровский А. Д. Плакат модерна. На материале музейных собраний // Музей 10. Художественные собрания СССР: Сб. ст. Сост. А. С. Логинова. – М.: Сов. Художник, 1989, С. 116—126.

⁸⁸ См., например: Снопков А. Е., Снопков П. А., Шклярчук А. Ф. Русский рекламный плакат. 1868—1917. – М.: Контакт-культура, 2014, С. 18, 30, 46, 55, 104, 156—157, 208—209.

⁸⁹ См.: Сладкая жизнь. Жестяная упаковка кондитерских фирм России. Конец XIX – начало XX века: [каталог / Музей хлеба; авт.-сост.: Л. Ю. Березовская]. – СПб.: Арт-Палас, 2006, С. 43, 45, 46, 48, 54, 109.

или, тем более, на превалирование первого – в большинстве случаев она нацелена на решение чисто коммерческих задач. Поэтому надо указать на подчеркнuto практическое отношение к этикетке со стороны сундучников как к средству эффективного привлечения покупателей, а также исключительно «поверхностное» – использование нового, престижного на тот момент стиля (что представляет собой обычную попытку «облагородить» свой товар). Именно здесь кроется причина удручающего однообразия муромских этикеток. Например, этикетка заведения В. И. Смолина аналогична одному из видов этикетки А. И. Желтикова (различаются только тексты). Этот случай не единичный: этикетка мастерской Д. М. Корешкова подобна этикетке Е. Н. Малышева. Не исключено, что они печатались в одной и той же типографии⁹⁰.

Отметим, что оформление не только этикеток, но и непосредственно сундуков (особенно отдельных их видов, предназначенных для состоятельного покупателя) соответствовало основным стилевым тенденциям эпохи. Например, многие орнаментальные мотивы сундуков заведения А. И. Желтикова явно вдохновлены утонченной декорацией модерна. Возможно, что золотой цвет жестяных листов и фигурные ножки муромских сундуков есть ничто иное, как подражание дворянской мебели.

Следует подчеркнуть, что подобное декоративное оформление этикеток не было принадлежностью исключительно муромского сундучного промысла – оно встречается на рекламных этикетках заведений, располагавшихся в других губерниях России и торговавших не сундуками, а другим товаром (например, заведение А. Н. Белоусова-Хорева из г. Устюжны, специализировавшегося на торговле хлебными, колониальными и прочими товарами⁹¹).

Особого внимания заслуживает рекламная этикетка товарищества Ивана Федоровича Платонова и Ивана Матвеевича Семишина из д. Лохани Арфинской волости. Хозяева использовали привычные декоративные мотивы, однако изображение звездочек выполнено неуверенно. Вероятно, в ту пору оно еще не вошло в арсенал широко распространенных орнаментальных мотивов.

Такие же этикетки (но несколько более простые) использовали после революции артели Муромского уезда. Мастера Полянской сундучной артели указывали на своих этикетках: «Полянская сундучная артель принимает заказы на выработку сундуков всех сортов и размеров и исполняет скоро и аккуратно», «Почтовый адрес: Озябликово Владимирской губ., Полянская сундучная артель». Артельщики «Приокского прогресса» просто указывали название организации и ее адрес.

На некоторых муромских сундуках встречены редкие на настоящий момент типы маркировки. Речь идет о клейме, награвированном на жестяном листе сундука заведения П. Т. Дворянкина, который является, скорее, исключением, чем правилом. Также надо упомянуть о буквенных обозначениях, выполненных в технике тиснения и встречающихся на внутренних крышках сундуков. Примером может служить сундук из коллекции Муромского историко-художественного музея.

В постреволюционную эпоху и далее, вплоть до 1950-х годов, получили распространение обыкновенные чернильные штампы, в которых указывалось название организации, ее адрес, год создания сундука. В качестве примера можно привести изделия артели «Знамя труда». Иногда вместо этикетки просто приклеивался прямоугольный кусок бумаги, на котором были напечатаны название артели, тип и размеры сундука, планы производства, а также стояла печать организации и ниже – подписи ее руководителей.

⁹⁰ На этикетке Е. Н. Малышева обнаружена надпись, свидетельствующая о том, что она была напечатана в типографии Якова Михайловича Сорокина. Эта типография располагалась в с. Павлово Горбатовского уезда, документально зафиксировано ее существование все первое десятилетие XX века (с 1897 года). Благодарю за содействие Н. Б. Федотова, директора Павловского исторического музея.

⁹¹ См. ил.: Воротынцева Е. А. Старинная Устюжна: из истории города и края с древнейших времен до начала XX века / Воротынцева Е. А.; Устюжен. краевед. музей. – Вологда: Полиграф-Периодика, 2018, С. 329.

Как видно из этого краткого обзора, маркировка муромского сундука претерпела со временем значительные изменения: внимание к художественности постепенно уступило место содержательности, т.е. на первый план вышла не красота этикетки как части прикладного искусства, а «технические» сведения о сундуке и организации, выпустившей его. Зависимость от стилевых тенденций времени, которая ранее проявлялась в оформлении клейм и этикеток (что, разумеется, далеко не всегда обеспечивало им статус произведений графического искусства), постепенно исчезла и была заменена исключительно «паспортной» информацией. Упор на количество изделий, имеющий место после 1917 года и зачастую обезличивающий продукцию муромских сундучников, проявился и здесь. «Добрая патриархальность» этикеток и клейм дореволюционного времени, предназначенная для посетителей Нижегородской ярмарки, была вытеснена бездушными ярлыками всеобщего «план-вала».

Роль клейм и этикеток в атрибуции сундучных изделий Мурома представляется несколько ограниченной по сравнению с другими центрами (например, уральским и макарьевским). На них отсутствуют изображения выставочных медалей и прочих элементов, свойственных маркировке сундуков названных центров. По этой причине для атрибуции муромских изделий немалое значение приобретают дополнительные данные, почерпнутые из архивов и краеведческой литературы (например, годы жизни хозяев сундучных «фабрик»).

Несмотря на то, что в некоторых заведениях встречаются разные варианты клейм, проследить их эволюцию, а, тем более, использовать эти изменения как датирующий признак, в настоящее время не представляется возможным. Причина этого – «застылость» форм и орнаментов муромских сундуков в рассматриваемый период. Тем не менее, исследование клейм и этикеток остается крайне важным подспорьем при изучении истории сундучного промысла Муромского уезда.

IV. ИСТОРИИ НЕКОТОРЫХ МАСТЕРСКИХ МУРОМСКОГО УЕЗДА

Материалы о сундучном заведении А. И. Желтикова

История муромского сундучного промысла еще не написана, хотя кое-что для этого уже сделано: освещены некоторые периоды истории производства и рассмотрены основные виды сундуков⁹². Думается, что одним из самых перспективных направлений работы является исследование конкретных мастерских, в которых делали сундуки. Именно из их историй подобно мозаике складывается общая картина развития промысла.

Изучение сундучных заведений Владимирской губернии имеет три опорные точки: 1. архивные сведения (особенно из Государственного архива Владимирской области — ГАВО), 2. статистическая и краеведческая литература, 3. сохранившиеся произведения (это, пожалуй, главный источник). При работе над настоящим сообщением использовались все три источника. Надо отметить, что сообщение отражает лишь определенный этап работы над темой, в дальнейшем могут быть изменения и дополнения.

Одной из самых известных мастерских Владимирской губернии была мастерская Александра Ивановича Желтикова (Желтихина, Желткова). Специальных исследований о ней на сегодняшний момент не существует (как и о других сундучных заведениях). Опираясь на сведения из статистической литературы, возможно наметить основные вехи истории «торгово-промышленного заведения» Желтикова⁹³. Оно было основано в 1875 году и находилось в деревне Криуши Варезской волости. На 1897 год у Желтикова значилось 8 мастеров, работающих в заведении, и 7 мастеров, работающих вне его. Производилось разных сундуков на 3000 рублей в год, работали 240 дней в году⁹⁴. В 1903 году годовое производство исчислялось уже 15700 рублями, число наемных мастеров составляло 30 человек (в заведении — 20, «на стороне» — 10)⁹⁵. В 1912 году те же показатели были сохранены, хотя годовое производство несколько уменьшилось и стало оцениваться в 13000 рублей⁹⁶. Таким образом, следует отметить стремительный рост заведения на рубеже XIX—XX веков и легкий спад в последующий период.

Заведение А. И. Желтикова было активным участником Нижегородской ярмарки. В 1890—1893 годах он арендовал лавку у С. И. Тулупова по улице Театральная, 18⁹⁷. В 1914—1915 годах Желтиков также упомянут среди торгующих сундуками на ярмарке,

⁹² А. С. П. Артель кустарей-сундучников в Муромском уезде // Владимирская газета. — 1902. — №20. — С. 3; Помыслы о вачских промыслах // Автор-составитель и редактор Ф. Лепеев. Нижний Новгород, 2014, С. 104—110; Пудов Г. А. Из истории сундучного промысла Муромского уезда II половины XIX – начала XX века // Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Т. В. Станюкович. Музей антропологии и этнографии РАН. 26—27 сентября 2016 г. СПб., 2017 (*в печати*).

⁹³ Во всех источниках А. И. Желтиков числится крестьянином.

⁹⁴ Перечень фабрик и заводов. СПб., 1897, С. 252. При этом Желтиков ошибочно назван Желтихиным, а деревня, где было его производство, — Кривушей, а не Криуши.

⁹⁵ Список фабрик и заводов Европейской России / Министерство финансов. — СПб.: типография В. Киришбаума, 1903, С. 185.

⁹⁶ Список фабрик и заводов Российской империи: сост. по офиц. сведениям Отд. пром-сти М-ва торговли и пром-сти / под ред. В. Е. Варзара. — СПб.: типография В. Киришбаума, 1912, С. 143.

⁹⁷ Адрес-календарь Нижегородской ярмарки на 1890 г. Нижний Новгород, 1890, С. 339.

на улице Театральной 22 и 24⁹⁸. Сведений об участии в каких-либо выставках в настоящее время обнаружить не удалось.

Вероятно, мастерская была семейным предприятием: вместе с хозяином работали сын и брат. В статье «Артель кустарей-сундучников в Муромском уезде», опубликованной во «Владимирской газете» в 1902 году (№20), содержится некоторая информация об условиях работы в мастерской Желтикова. Мастера делали сундуки из материала хозяина в предоставляемых им помещениях, но питание и инструмент приносили с собой. 20 сентября устанавливалась цена «тройки» сундуков на год вперед. Часто оплата производилась продуктами. Из приведенной ниже таблицы и анализа изделий *de visu* можно сделать вывод, что мастера Желтикова обладали неплохим уровнем культурного развития. Многие из них долгие годы работали в заведении Александра Ивановича, для некоторых работа на него была наследственной.

Мастерская Желтикова, наряду с другими заведениями, продолжала некоторое время существовать после революции. В октябре 1918 года был произведен учет всех работавших в его заведении сундучников, есть сведения о 22 мастерах⁹⁹. В начале 1919 года ВладГубсовнархоз «принял на учет» изделия и материалы заведения¹⁰⁰. В сентябре того же года А. И. Желтиков упоминался среди других сундучников, которым было принято решение повысить оплату за хранение сундуков (их же продукции, формально им уже не принадлежавшей)¹⁰¹. При этом плата Желтикову была меньше лишь весьма крупного сундучного заведения С. В. Рудакова с племянниками, что свидетельствует о значительных масштабах производства. Точная дата окончательного прекращения деятельности мастерской А. И. Желтикова автору неизвестна, вероятнее всего, оно повторило судьбу остальных заведений, постепенно поглощенных артелями.

Клеймом заведения был небольшой круг из точек, в котором указывалось: «Завода А. И. Желтикова». Клеймо наносилось штампом, оно было мало заметно среди различных орнаментальных мотивов. Иногда на сундуках встречается большая этикетка с тремя печатными надписями, обрамленными красивыми виньетками: «Заведение разных сортов сундуков Александра Ивановича Желтикова», «Адресь село Павлово Нижегород. г. съ передачею въ дер. Кріуши, А. И. Желтикову», «Торговля въ Нижегородской ярмарке, близъ шоссе, Сундучный рядъ, и торговля и приѣм заказовъ при заведеніи» (есть и другой тип этикетки).

Технологические приемы, принятые в заведении Желтикова, не отличались от технологии других центров. Мастера владели широким спектром приемов, от простейших до сложных. Ящики для сундуков делались по большей части из ольхи (реже — осины и ели). Пилами распиливали тесины на доски необходимой величины. Высушенные доски склеивали по две—три, вновь сушили. Доски сколачивали так, чтоб выступ на крае одной приходился в выемку другой. Они соединялись деревянными гвоздями, предварительно смазанными клеем. Когда были готовы стенки ящика, прикреплялись дно и верхняя часть крышки. Разные технологии использовались и при декорировании сундуков. Первая из них — печатание узоров на железе. Для этого использовали бумажные трафареты, куски березовой пробки с вырезанными на ней узорами, пробочный валик, который прокатывался по поверхности листа. Главным в ремесле печатальщика было сварить хорошую олифу, так как от ее качества зависел результат всей работы. Сундуки украшались не только печатными рисунками, но и листами прочеканенной жести. Инструментами чеканщика были чеканы разного профиля, молоток, деревянная доска, покрытая слоем смеси из смолы и песка (к ней прибывался жестяной лист). Вероятно, самой эффективной техникой, применявшейся в сундучном промысле, была «морозка» жести. Техно-

⁹⁸ Справочник Нижегородской ярмарки на 1914 год. — Нижний Новгород, 1914, С. 207.

⁹⁹ ГАВО, ф.908, оп.2, д.725.

¹⁰⁰ ГАВО, ф. 511, оп.1, д.441, л. 40.

¹⁰¹ ГАВО, ф. 511, оп.1, д.441, лл. 216—218.

логия «морожения» железа основана на кристаллизации расплавленной полуды (смеси олова и свинца), при добавлении капель воды, и химической реакции на кристаллизованную полуду смеси серной и азотной кислот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.